

ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЦИЗМ О ДЕМОКРАТИИ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Проблема демократии и прав человека рассматривается в самых различных ракурсах многими научными дисциплинами. Я предлагаю взглянуть на эту проблему с точки зрения религиоведения. Это тем более важно, что, судя по всему, религия играет все более активную роль в жизни мирового сообщества, становясь органичной частью национальной и культурной самоидентификации, которая является своего рода ответной реакцией на процессы глобализации.

Конечно, в различных культурах и религиях степень интереса к политическим проблемам и вовлеченность в политическую жизнь далеко не одинакова. Так, например, для буддизма характерна некоторая отстраненность от политики и нейтралитет в оценках политического устройства общества, в то время как ислам не отделяет духовно-религиозную жизнь от социальной и политической, а верховная законодательная власть в нем принадлежит Богу.

При этом каждая культура и религия ориентируется на свою систему ценностей и имеет свои представления об идеальном устройстве общества. Диапазон воззрений чрезвычайно широк: от идеала теократического государства до беспредельного либерализма.

В этом отношении интересно заметить, что, по мнению многих исследователей, «зародыши» демократических институтов и прав человека содержатся уже в Ветхом Завете. Ветхозаветный Закон предусматривал (в идеале) соблюдение прав всех сынов Израилевых, создание «парламента» – Верховного Суда, который имел право смещать царя с престола в случае его злоупотребления властью. В исключительных случаях народное собрание могло отклонить кандидатуру на престол. Прообраз свободы слова воплощали библейские пророки, пользовавшиеся всеобщим уважением. Все это в конечном счете основывалось на представлении о человеке как о существе, сотворенном Богом по Его «образу и подобию». Отсюда – идея о высоком достоинстве человеческой личности и равенстве всех пред Богом и данным Им людям нравственным Законом.

Несомненно, что и другие религии оказывали прямое или косвенное воздействие на представления о справедливом устройстве общества и нормах его жизни, содержание и характер которых неразрывно связаны с особенностями того или иного вероучения, представлений о Боге, мире и человеке, а также спецификой многовекового духовного опыта, который передавался из поколения в поколение. В любом случае, в отношении каждой религии к тем или иным формам политического устройства общества есть своя логика, свои аргументы, свой смысл.

В рамках данной статьи я ограничусь рассмотрением двух христианских конфессий – католицизма и православия (в его русском варианте, а именно Русской Православной Церкви Московского Патриархата – РПЦ МП)¹.

Что касается третьей христианской конфессии – протестантизма, то он требует специального разговора. Отмечу лишь два момента, о которых иногда забывают. Во-первых, о правах человека впервые серьезно заговорил Жан Кальвин. Его английский последователь Дж. Локк стал идейным вдохновителем английского парламентаризма и американской либеральной демократии. Его формула «свобода, жизнь, собственность» стала основой, на которой развилось современное понимание прав человека. Таким образом, влияние религии здесь очевидно. Во-вторых, большая часть современных протестантских богословов поддерживает общую установку, которая в свое время была прекрасно выражена К. Бартом, по его словам «в социал-демократии нам дана притча о Царствии Божьем»².

Как относятся к демократии и правам человека православная и католическая церкви? В чем их видение совпадает, а в чем расходится?

Прежде чем ответить на эти вопросы, заметим, что у православия и католицизма за плечами стоят более десяти веков общей истории и общие основы

¹ Вселенское православие состоит из целого ряда автокефальных и независимых церквей, среди которых Русская Православная Церковь Московского Патриархата является одной из равных, хотя и наиболее многочисленных структур. Все эти православные сестры-церкви исповедуют одну и ту же веру и находятся в евхаристическом общении. Однако вне рамок догматики существует широкий спектр проблем, в том числе политических, по которым у каждой из автокефальных церквей может быть свое мнение. Кроме того, в России кроме РПЦ МП существуют и другие православные церкви, как, например, старообрядческая, которая расходится по ряду политических вопросов с РПЦ. Особенно ярко выражены противоречия РПЦ в оценках исторического прошлого (гражданской войны, Великой Отечественной войны, власовского движения и т.д.) с Русской Православной Зарубежной Церковью (РПЦЗ). Недавно они воссоединились, однако проблема их политических разногласий остается. Нельзя не отметить и такие альтернативные РПЦ структуры, как «Истинно-православную Церковь» (ИПЦ), «Русскую православную автономную церковь» (РПАЦ) и некоторые другие, которые в полной мере придерживаются православного вероучения, каждая из них имеет свое видение политических идеалов и модели государственно-церковных отношений.

² *Барм К.* Христианин в обществе // *Путь*. 1992. № 1. С. 184.

вероучения, поскольку разделение на восточное христианство (православие) и западное христианство (католицизм) произошло в 1054 г. Конечно, вся последующая история далеко развела эти две христианские церкви. Последствия взаимной анафемы, снятой только в 1964 г., до сих пор дают о себе знать. Немало накопилось и претензий друг к другу. Тем не менее в последние годы все больше ощущается необходимость более активного диалога и сближения двух церквей³. Одной из причин этого является потребность в выработке единой христианской позиции по многим вопросам, относящимся к правам человека.

Как заметил в этой связи в своем недавнем выступлении яркий современный православный богослов митрополит Илларион (Алфеев), «сегодня речь идет о будущем христианской цивилизации, если хотите – о ее выживании. И я думаю, что в этой ситуации было бы очень правильно и своевременно объединить усилия тех христиан, которые стоят на традиционных нравственных позициях, а это, прежде всего, православные и католики. Если нам удастся объединить усилия, мы сможем сделать гораздо больше для благосостояния и благополучия людей. Я думаю, что в нашем диалоге с католиками это задача первоочередной важности. Ради ее выполнения можно отказаться от оскорбительной терминологии, можно сидеть за столом переговоров, можно предпринимать с обеих сторон различные усилия – ведь речь идет о реальной жизни и о реальном благе людей»⁴.

Религиозные деятели православия и католицизма солидарны в том, что на всем европейском континенте должны признаваться общеевропейские нормы морали, которые определяются данным Богом нравственным Законом. Поэтому общее, на мой взгляд, как раз и заключается в том, что как православная, так и католическая церкви стремятся привнести в политическую жизнь нравственное измерение и дополнить понимание демократии и прав человека нравственными принципами, вытекающими из заповедей, полученных Моисеем от Бога. «Взяв за основу Декалог, мы смогли бы внести существенный вклад в дело исцеления разума... вера не заменит разума, но может помочь ясному осознанию важнейших ценностей», – отмечает Папа Римский Бенедикт XVI⁵.

³ Недавний визит Президента РФ Д.А. Медведева в Ватикан представляется в этом отношении важным шагом, который, будем надеяться, может способствовать сближению двух церквей. Однако нельзя сбрасывать со счетов и сильную оппозицию внутри православной церкви и ее пастве любым контактам с католиками.

⁴ *Митрополит Илларион (Алфеев)*. Православно-католические отношения на современном этапе. (<http://hilarion.ru/2010/11/15/3125>)

⁵ *Бенедикт XVI*. Ценности в эпоху перемен. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 30.

Как православная, так и католическая церкви говорят о том, что демократия не должна превращаться в фетиш и высший критерий в определении добра и зла, в результате чего все, что подверстывается под определение «демократично» считается добром, а то, что «недемократично» – злом. И в этой логике церковных деятелей есть своя правда. Действительно, как показывает история, демократия открывает возможности как для возрастания добра, справедливости и социальной гармонии, так и для злых, деструктивных и агрессивных сил. Кроме того, вполне демократическими способами к власти могут приходиться диктаторы и тираны. Достаточно вспомнить Адольфа Гитлера. Кроме того, демократические процедуры часто перестают быть подлинно демократическими, но становятся изощренными политехнологиями, манипуляцией общественным сознанием, не говоря уже о простой фальсификации результатов выборов.

Но даже если демократия и выражает подлинные интересы большинства, то всегда ли это большинство решает правильно? «Большинство может быть слепым и несправедливым», – говорит Папа Римский Бенедикт XVI⁶. Принимаемые многими демократическими государствами законы об однополых браках и возможности усыновления ими детей, как и легализация аборт, клонирования людей, эвтаназии и т.д. – все это заставляет задуматься о допустимых пределах. Понятна обеспокоенность церкви нравственным релятивизмом, который царит в современном обществе. Как православная, так и католическая церкви уверены в том, что главный порок современной западной демократии – это отсутствие моральных границ, что она допускает все, что не затрагивает интересы других людей. Допустимым считается все, что только не задевает интересы других людей. Безнравственно же то, что как-то ущемляет их свободу. Это в корне неправильно, ведь Бог дал людям нравственный закон, и отклонение от этого закона и есть грех.

Таким образом, по мнению православных и католических иерархов, важно корректировать принимаемые решения незыблемыми нравственными устоями, которые вытекают из самой сущности человеческого бытия. Поэтому «сегодня следовало бы дополнить учение о правах человека учением об обязанностях человека»⁷. Причем, по мнению Папы, такой разговор должен носить в наше время интеркультурный характер, вестись представителями разных религий и культур. И если для христиан речь должна идти о творении и Творце, то в религиях Индии – о законе «дхармы», а в Китае – об идее небесного порядка.

⁶ Бенедикт XVI. Ценности в эпоху перемен. С. 33.

⁷ Там же. С. 39.

В каждой религии и культуре обязательно есть представления о вечных нравственных основаниях существования мира и общества. В любом случае, по его оценке, отрицание нравственного принципа ведет к отрицанию человека.

Но может быть, от демократии вообще следует отказаться, а права человека жестко ограничить? Есть ли какие-то лучшие, по сравнению с демократией, формы правления? В ответах на эти вопросы православие (в данном случае имеется ввиду РПЦ МП) существенно расходится с католицизмом.

Позиция русской православной церкви существенно отличается от католической.

Во-первых, потому, что она, следуя византийской традиции, всегда оценивала земную жизнь человека в эсхатологической перспективе, сосредотачиваясь на жизни вечной, «на ценностях сверхмирных, запредельных»⁸. Это притупляет, как замечал выдающийся русский религиозный философ С.Н. Булгаков, чувство непосредственных нужд земной жизни, «подобно тому, как у человека, готовящегося к смерти, естественно пропадает вкус и интерес к обыденным делам и заботам и мысль сосредотачивается на неподвижном и вечном»⁹. Подобно тому, как в Византии «не предпринималось никаких попыток построить «мирскую» этику для человека «вообще»¹⁰, так и в России «гнушение» вопросами земного бытия, в том числе социально-политического, было преодолено совсем недавно. Только в 2000 г. Архиерейский Собор принял «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Появились и другие важные официальные церковные документы, в том числе принятые на Архиерейском Соборе 2008 г. «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

Католицизм, напротив, занимался разработкой социального учения в течение многих веков. В XX в. оно приобрело вид законченной доктрины. При этом вопросы демократии и прав человека заняли в ней важнейшее место.

Во-вторых, признавая богоподобие человека – основу для признания его прав и свобод, – православие, вместе с тем, делает акцент на пагубных последствиях грехопадения, в результате чего люди часто злоупотребляют свободой. Да, человек создан по образу и подобию Божьему. Поэтому человек есть высочайшая ценность, однако подобие Божье достигается через преодоления греха и достижения нравственной чистоты. Другими словами, человек призван

⁸ Прот. С. Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М., 1991. С. 302.

⁹ Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1993. С. 431.

¹⁰ Прот И. Мейендорф. Византийское богословие. М., 2001. С. 320.

возрастать в достоинстве. Эта идея, изначально высказанная Патриархом Кириллом еще в его бытность митрополитом и затем вошедшая в церковные документы, отличает современную православную концепцию от всех других. Другой ее особенностью является утверждение, что права человека должны соответствовать этнокультурной принадлежности¹¹. Другими словами, речь идет о том, что свобода должна быть подчинена «категории вероучительной и нравственной традиции»¹². И очень хорошо – считает РПЦ – что для многих людей, живущих в разных странах мира, вероучение и традиции, а не абстрактные права человека, обладают высшим авторитетом в общественной жизни.

Обращает на себя внимание, что, согласно «Основам учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», эти права «не должны противоречить любви к Отечеству», а их осуществление не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности и самобытность народа. При этом работа независимых правозащитных организаций фактически отождествляется с подрывной деятельностью. «Под предлогом защиты прав человека одним цивилизациям не следует навязывать свой уклад жизни другим. Правозащитная деятельность не должна служить политическим интересам отдельных стран». Этому противопоставлена правозащитная деятельность «чад Русской Православной Церкви», которая ведется «с благословения Священноначалия», в том числе на уровне созданных мирянами общественных объединений, «многие из которых уже сейчас успешно работают в правозащитной сфере».

Из этого делается вывод, что политические права могут полноценно служить принципу симфонии государства и церкви. Причем в определенных случаях, «когда того требуют защита Отечества, сохранение нравственности, охрана здоровья, прав и законных интересов граждан, а также предотвращение либо раскрытие преступлений и осуществление правосудия», вполне допустимо заниматься сбором сведений о человеке без его согласия. В любом случае индивидуальные права вторичны по отношению к коллективным правам, в частности правам различных религиозных, национальных и социальных сообществ.

Весьма показательно, что в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» демократия фактически признавалась низшей формой правления по сравнению с более высокими. К этим более высоким формам относится, в частности, монархия, в которой власть является «богоданной». Однако обще-

¹¹ Об этом подробно пишет О.Е. Казьмина. См. ее работу: Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М.: Изд-во Московского университета, 2009.

¹² Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. (<http://sobor2008.ru/428616/index.html>)

ству еще нужно «духовно дозреть» до этого, и лишь тогда «религиозно более высокая форма государственного устройства станет естественной» (ОСК, III, 7)¹³.

Также в православии подчеркивается актуальность и значимость идеала так называемой симфонии церкви и государства, при котором «мирская власть и священство относятся между собой как тело и душа». Причем эта «идеальная форма исторически могла быть выработана лишь в государстве, признающем Православную Церковь величайшей народной святыней, – иными словами, в государстве православном» (ОСК, III, 4)¹⁴. В российской истории, по мнению авторов «Основ», этот идеал реализовывался более гармонично, чем в Византии, откуда он был заимствован. На него и следует ориентироваться в современных условиях. Поэтому церковь «вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» (ОСК, III, 6)¹⁵. Из всего этого можно сделать вывод, что речь идет о стремлении церкви к реализации идеала православной монархии. Об этом прямо говорит крупный церковный деятель прот. Всеволод Чаплин, возглавляющий ныне Синодальный отдел по взаимодействию Церкви и общества. По его убеждению, «В православном мире тяга к персонифицированной власти очевидна: царь может то, чего не может простой смертный»¹⁶.

Католицизм с иных позиций смотрит на демократию и права человека. Во-первых, потому, что, не отрицая общехристианский постулат о том, что земная жизнь есть преустройство к жизни вечной, ставит задачу совершенствования *этого* мира, в том числе и в социально-политической сфере. По его логике, ожидание Второго Пришествия должно быть активным, а не пассивным. В противном случае пассивность обернется ложно-смирненным отданием земной реальности в руки темных сил¹⁷. Цель же состоит в том, чтобы «предвосхитить уже в этом мире, в сфере межчеловеческих отношений то, что будет реальностью в мире окончательно»¹⁸.

Со времен II Ватиканского Собора человеческая личность провозглашалась «началом, предметом и целью всех социальных учреждений». Поэтому со-

¹³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // О социальной концепции русского православия. М.: Республика, 2002. С. 275.

¹⁴ Там же. С. 265.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Цит. по: Красиков А.А. Религия в современной России // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 15. С. 90.

¹⁷ Компендиум социального учения Церкви. Ватикан, 2004. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 51.

циальный и политический порядок, экономическое развитие и прогресс – все «должно подчиняться пользе личностей, а не наоборот»¹⁹. Этот – как называют его католические теологи – «персоналистический принцип» лег в основу современной социальной доктрины, утверждающей «неприкосновенное достоинство человеческой личности»²⁰. Важно обратить внимание, что, признавая тяжелые последствия грехопадения, которое помрачило образ Божий в человеке, католическая церковь не делает из этого вывода, что человек насковзь испорчен и поэтому свобода ему противопоказана, поскольку превращается во вседозволенность. Напротив, она предостерегает от чрезмерного сосредоточения на греховности человека, которое «порождает пессимистическое видение мира и жизни, заставляющее презирать культурные и гражданские достижения человека»²¹. Поэтому, не закрывая глаза на бездны греха, нужно видеть их в свете надежды, дарованной искупительной жертвой Иисуса Христа, которая побеждает всякое зло.

Из уважения к человеческой личности и признания ее неоспоримого достоинства вытекает обоснование прав человека. Согласно учению Церкви, подлинный источник прав человека – не просто воля людей, государственный порядок, гражданские власти, но сам человек и Бог, его Творец. Эти права – всеобщие, неприкосновенные и неотчуждаемые.

Иоанн Павел II в своей энциклике «*Centesimus annus*» (1991 г.) дал перечень этих прав. К ним относится, прежде всего, право на жизнь, «неотъемлемой частью которого является право развиваться в чреве матери после зачатия, право жить в дружной семье и нравственной обстановке, благоприятствующей развитию собственной личности; право доводить до зрелости своей разум и свою свободу в поисках и познании истины; право участвовать в трудовых процессах, чтобы оценивать в полной мере блага земли и извлекать из них все необходимое для себя и своих близких; право свободно создавать семью и воспитывать детей» и др.²²

Развивая эти положения, церковь выделяет в качестве наиболее важных гражданских прав свободу собраний, объединений, выражения своих мнений. Говорится также о правах наций и народов, в частности, на независимость. К этому же нужно добавить принцип уважения и любви к инакомыслящим.

¹⁹ Пастырская Конституция 1965 г. «Радость и надежда» о Церкви в современном мире. («*Gaudium et spes*»). Ст. 25. Второй Ватиканский Собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель, 1992. С. 351.

²⁰ Компендиум социального учения Католической Церкви. Ватикан, 2006. С. 83.

²¹ Там же. С. 90.

²² Иоанн Павел II. Окружное послание *Centesimus annus* (Сотый год). Ст. 47. Ватикан, 1991. С. 106.

При этом выше всего ставится свобода совести. В ней церковь видит «источник и синтез» всех прав человека. Сама же религиозная свобода понимается как «право жить по истине своей веры, сообразно трансцендентному достоинству своей личности»²³.

Отметим в этой связи, что в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», напротив, принцип свободы совести осуждается и приравнивается к богоотступничеству. «Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом» (ОСК, III, 6).

Католическая церковь ясно выразила свою позицию по поводу демократической системы. «Человеческой природе вполне соответствует, что есть юридико-политические структуры, которые представляют всем гражданам действительную возможность все лучше и без всякой дискриминации свободно и действительно участвовать как в установлении юридических основ политического общества, так и в управлении государством, в определении поля деятельности и целей различных учреждений и в выборе правителей. Бесчеловечно, однако, если политическая власть принимает тоталитарные или диктаторские формы, нарушающие права личности или социальных групп»²⁴.

Демократическая форма правления предполагает разделение властей, их контроль со стороны гражданского общества, наличие политических партий, задача которых заключается в том, чтобы «благоприятствовать широкому участию и всеобщему доступу к общественной ответственности»²⁵. Конечно, права должны признаваться, уважаться и соблюдаться наряду с обязанностями граждан. «Поэтому те, кто настаивая на своих правах, забывают о соответствующих обязанностях или не придают им должного значения, рискуют оказаться в положении человека, который одной рукой строит, а другой разрушает»²⁶. В целом можно заключить, что, согласно учению католической церкви, подлинная демократия возможна только в правовом государстве при соблюдении неотчуждаемых прав человека.

Таким образом, православная и католическая церкви в своих оценках демократии и прав человека существенно расходятся, однако их объединяет общее стремление привнести в политическую жизнь нравственное измерение и дополнить ее общеевропейской ориентацией на христианские ценности. Это стремление становится основой для развития диалога двух церквей и их сближения.

²³ Иоанн Павел II. Окружное послание *Centesimus annus* (Сотый год). Ст. 47.

²⁴ Пастырская Конституция... С. 405–406.

²⁵ Компендиум социального учения Католической Церкви. С. 272.

²⁶ Там же. С. 111.